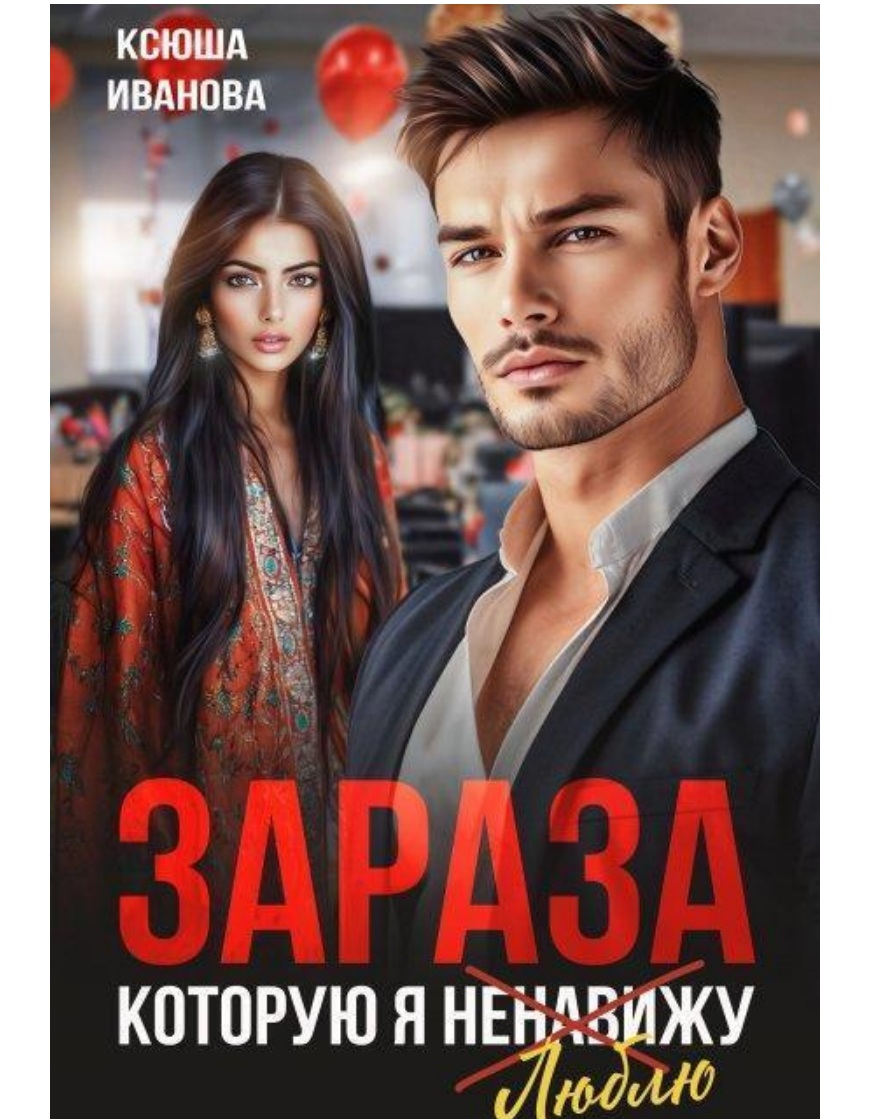

A movie poster featuring a woman with long dark hair in a red patterned dress and a man with a beard in a dark suit. The background is a blurred indoor setting with red balloons.

КСЮША
ИВАНОВА

ЗАРАЗА

КОТОРУЮ Я НЕ НАВИЖУ

Люблю

Ксюша Иванова

Зараза, которую я ненавижу

<https://litres.ru/74212458>

Аннотация

-Девушка, а девушка, чего вы так устались? - словно сквозь слой ваты до меня доносится голос женщины, которая его привезла. - Пьяного мужчину не видели, что ли? И я не сразу понимаю, что это она говорит мне. Я во все глаза смотрю на Никиту. Держась за машину, он распрямляется. Делает шаг в мою сторону. -Яся? - с наглой усмешкой. - Чем обязан? Я не могу от его лица отвести взгляда - он просто прикипел, прирос и не желает отрываться. Непривычно растрепанный, рубашка на груди низко расстегнута. И я уверена, что пятна на его лбу и щеках - это вульгарная помада вот этой женщины... Она сбоку врезается в него, демонстративно обвивает талию рукой, прижимается губами к щеке: -Никки, кто это? Она больная, да? -Это Ясмينا, я тебе рассказывал, - усмехается он. Он ей рассказывал! Что он обо мне ей рассказывал? Этой женщине? Да как он посмел? Разумный человек где-то очень глубоко в моей голове говорит мне, что я сейчас в настолько хреновом положении, что уже не любви у него просить должна, а помощи. Но гордость моя, врождённая, от мамы доставшаяся, заставляет запахнуть на животе куртку, гордо выпрямиться и, бросив напоследок "Подонки. Ненавижу!",

рвануть прочь отсюда. Дорогие друзья! Буду рада вашим лайкам книге)))

Содержание

1 глава. 5 лет назад. Не прощу	5
2 глава. Наши дни. Чтобы ждали...	11
3 глава	18
4 глава	23
5 глава. Как заставить босса повысить зарплату	29
6 глава	34
7 глава	39
8 глава. Философия жизни	43
9 глава.	48
10 глава. Трудовые будни	52
11 глава. Сумасшедшая	57
12 глава. Женские слабости	62
13 глава. Первый блин...	67
14 глава. Таланты и поклонники	72
Конец ознакомительного фрагмента.	77

1 глава. 5 лет назад. Не прощу

Сажу на скамейке возле его подъезда. Жду.

Я знаю, что он вернулся из плавания - на балконе окна открыты. Никита никогда бы так не оставил. Никита такой педант! Уезжая на несколько месяцев, всегда всё закрывает, закрутит, проверит.

Он в городе.

Но уже очень поздно, неумолимо холодает, и ветер усиливается, гоняя по асфальту опавшую листву. А его всё нет.

Запахиваю с трудом на мне сходящуюся тонкую ветровку. До четырех месяцев живота почти не было видно, а к пяти он неожиданно начал увеличиваться так быстро, словно там внутри меня рос не ребенок, а арбуз!

Пытаюсь придумать, что ему скажу и как это сделаю. Но не могу!

Сейчас, спустя пять месяцев после нашего расставания, всё то, что он мне говорил в тот вечер, когда мы в очередной раз разругались вусмерть, кажется уже не таким ужасным. И даже то, что он не побежал за мной, чтобы остановить, тоже не ужасает - ну, я-то вообще пять месяцев не решалась к нему прийти! И да, он не пытался меня найти... Но, положив руку на сердце, стоило бы сказать, что я всегда умела прятаться! И отыскать меня в таборе у отца для Никиты было практически невыполнимой задачей.

Мне было так плохо сейчас, что я готова была оправдать всё! И простить ему всё...

Я только одного хотела. Чтобы он, наконец, вернулся домой. Увидел меня. Пусть выскажет все гадости, какие только придут на ум! И что я - взбаломошная, глупая, ненормальная, дикая цыганка! И что такой идиотки он за всю свою жизнь ни разу не видел! И... Да что угодно!

Только пусть прижмет меня к себе, как раньше. Пусть поцелует, как раньше, мои волосы. Пусть психует и ругается, только снова станет моим...

Уткнувшись ледяным носом в воротник куртки, я вспоминала дни и ночи, проведенные вместе с ним. Это согревало и давало сил.

Я очень его любила. Нет, не так.

Я его очень люблю.

И он... Я уверена, тоже очень..

Иначе разве мог мужчина так целовать? Иначе разве признавался бы с таким жаром в своих чувствах? Говорил бы, что жить без меня, ненормальной, не сможет?

А какие он дарил цветы! Постоянно. Без причины и повода. А подарки!

Замерзшими пальцами касаюсь массивных сережек в своих ушах. Покачнувшись, они холодным ожогом толкаются в шею. Никита говорил, что эти серьги - настоящие, цыганские, что купил он их у какого-то там очень богатого барона в Италии, и я в них выгляжу, как гадалка, только тюрбана

не хватает. И тогда я бежала к нашему шкафу, вытягивала первую попавшуюся вещь и сооружала на голове тюрбан. А он с хохотом ловил меня и... всё заканчивалось страстью... жаркими объятьями...

Он ведь простит меня, правда?

К одиннадцати часам уверенность в том, что Никита сегодня вернется домой начала таять. Как и время до последней маршрутки отсюда. А еще жутко хотелось кушать - в животе сосало так, что мутило и кружилась голова.

С трудом оттолкнувшись от скамейки, я встала и пошла прочь, решив, что завтра обязательно приду снова и дождусь его.

И в этот момент с улицы во двор свернула машина. Даже в кромешной темноте я, наверное, узнала бы его "девочку"! Специально, чтобы меня подразнить, он называл ее так... И ведь получалось! Я ревновала его даже к машине! Да что там! Я ревновала его даже к морю, которое отбирало у меня любимого на долгие месяцы!

Растерянно остановившись возле детских качелей, я замерла, судорожно подбирая, так и не придуманные слова.

Машина лихо затормозила неподалеку от подъезда, чуть ли не в вираже вмещаясь между двумя джипами соседей.

Я сделала пару неуверенных шагов в ее сторону.

Водительская дверь открылась. И оттуда шагнула, цокнув каблуками о тротуар, высоченная женщина явно намного старше меня, с длинными черными кудрявыми волосами,

немного похожими на мои. Вульгарно нагнувшись, практически оголяя при этом тощую задницу, она заглянула в салон и игриво позвала:

- Никки, малыш, мы приехали, выходи!

- Отстань, - донеслось из салона. - Я сплю!

- Спать будешь в нашей квартирке, в нашей кроватке, под одеяльцем, - ворковала женщина, пытаясь выудить из салона мужчину.

Я уже узнала. Конечно, я узнала его! Разве могла не узнать - и эту машину, и этот голос, и это "Никки" - его друзья частенько так сокращали Никитино имя... И мне нужно было бы уходить, убегать отсюда! Но я стою и смотрю...

И где-то в глубине души мне верится, что вот сейчас Никита выйдет из машины, увидит меня и всё обязательно объяснится! Всё станет ясно и не больно. Всему найдётся разумное объяснение.

Никита пьян.

За почти год, что мы прожили вместе, я ни разу его пьяным не видела. А чтобы вот так, с трудом выползая из машины - в это даже поверить сложно.

- Девушка, а девушка, чего вы так устались? - словно сквозь слой ваты до меня доносится голос женщины, которая его привезла. - Пьяного мужчину не видели, что ли?

И я не сразу понимаю, что это она говорит мне.

Я во все глаза смотрю на Никиту. Пошатываясь и матерясь, держась за машину, он распрямляется. И мы встреча-

емяся взглядами.

И он делает шаг в мою сторону.

-Яся? - с наглой усмешкой. - Чем обязан?

По-шутовски якобы снимает с головы несуществующую шляпу.

В эту секунду ровно между нами зажигается фонарь - словно какой-то мистический знак, что вот кто-то там, наверху, за нами наблюдает.

Я не могу от его лица отвести взгляда - он просто прикипел, прирос и не желает отрываться.

Непривычно растрепанный, рубашка на груди неприлично низко расстегнута. И я уверена, что пятна на его лбу и щеках - это вульгарная помада вот этой женщины...

Она сбоку врезается в него, демонстративно обвивает талию рукой, прижимается губами к щеке:

-Никки, кто это? Она больная, да?

-Это Ясмина, я тебе рассказывал, - усмехается он.

Он ей рассказывал! Что он обо мне ей рассказывал? Этой женщине? Да как он посмел?

Разумный человек где-то очень глубоко в моей голове говорит мне, что я сейчас в настолько хреновом положении, что уже не любви у него просить должна, а помощи. Но гордость моя, врождённая, от мамы доставшаяся, заставляет запахнуть на животе куртку, гордо выпрямиться и, бросив напоследок "Подонки. Ненавижу!", рвануть прочь отсюда.

-Яська! Дура! Стой! - кричит Никита вслед.

Обливаясь слезами, сворачиваю в ближайшую подворотню, чтобы не догнал и не нашел, если вдруг решит догнать и найти.

Прятаться я умею.

2 глава. Наши дни. Чтобы ждали...

- Дядя Ник, - Милана, шестнадцатилетняя дочка моей жены Илоны, стрельнув глазами в спину выходящей из комнаты матери, неожиданно накрывает ладонью мою руку, держащую вилку.

И я мог бы счесть этот жест за просто дружеский, практически родственный - я эту девочку по мере сил и возможностей "воспитываю" уже почти пять лет - но она начинает поглаживать мою кожу большим пальцем. И это переходит рамки.

Поднимаю глаза в лицо девчонке.

Отрепетированно, со знанием дела, но пошло, очень пошло стреляет в меня из-под густых и длинных, словно веера, накладных ресниц. Зачем шестнадцатилетнему ребенку накладные ресницы? Я не понимаю! Вместо того, чтобы учиться, она бесконечно хлопает ими, изображая из себя легкомысленную дурочку. Впрочем, она таковой и является.

Выдергиваю руку.

- У-у-у, чего это ты такой сегодня недобрый, дядя Ник? - дует губки. И вот хоть убейте меня, но мне кажется, что губы у нее подколоты! Ну, не такими они были, кажется, когда я в крайний свой рейс уходил!

- Милана, ты в курсе того, что такое "личное пространство" человека? - сухая и пересоленная яичница не лезет в

горло, аппетит пропал окончательно, но я самоотверженно ем, потому что встать и уйти сейчас будет означать для этой девчонки победу надо мной в ее игре, каковой бы она там ни была!

- В курсе. Но мы же родственники. Почти, - закатывает глаза, ресницы слипаются, и мне даже кажется, что когда она начнет их возвращать в нормальное состояние, они не разлипнутся, и ей придется раздирать их руками. Но нет, разлипаются не синхронно и с усилием, заставляя свою хозяйку проморгаться. - А родственникам можно друг друга... трогать...

Слышу, как возвращаясь, стучит каблуками на домашних шлёпанцах Илона.

Притворно ласково улыбаюсь её дочке и говорю тоже ласково. Неласковые слова.

-Денег не дам. Можешь не просить.

-Почему? - корчит обиженную моську.

-Потому что заход на просьбу был в корне неверный.

-А я думала, что тебе понравится... папочка, - ядовито шепчет, срываясь из-за стола.

Мне не понравилось.

И не могло понравиться. Никогда.

Потому что все вот эти намеки на заигрывания, на подкаты с ее стороны отвратительны. А еще более отвратительно для меня то, что Илона подобные поползновения своей дочки в мою сторону явно поощряет. Как будто не понимает,

что это переходит границы нормальных отношений!

Да и в принципе, я не желаю общения с женщинами как таковыми. Будь моя воля, я бы так и не уходил со службы. Море и давно слаженный коллектив лечили любые душевные раны. Но... Оказалось, что в 36 лет тоже можно быть негодным - неожиданно у меня появились проблемы с сердцем и пока временно, на год, а возможно, и на более длительный срок, я был списан на сушу.

Только однажды я позволил себе влипнуть в молоденькую девчонку. Да так, что просто еле выжил. Впрочем, выжил ли я тогда? Или что-то важное во мне умерло, а оболочка так и передвигается по земле до сих пор. Как биоробот...

-Никки, дорогой, что-то не так?

-А? - задумавшись, не понимаю, о чем это она.

Кивает на мою тарелку, в которой остаётся практически нетронутой, ненавистная яичница, которой я за неделю нахождения дома уже наелся просто до кукареканья.

-Не ешь... - обиженно дует губы.

Смотрю на неё. Красивая? Ну-у-у, это смотря что считать красотой.

Ухоженная. Ногти, макияж, волосы, одежда... Даже дома при параде всегда. Ну, во всяком случае, когда я дома. Я её, кажется, даже по утрам не видел растрёпанной и без помады. И никогда не видел ее настоящей.

- Ты чем сегодня заниматься будешь?

- Пара клиентов после обеда... и один поздно вечером, так

что ужинать будете с Милашкой вдвоем, - Илона заглядывает в свой ежедневник на телефоне. - А ты?

И да, я в курсе, что она делает массажи мужчинам. И нет, меня это не торкает. И не торкало никогда.

Почему-то вдруг представляется, что на месте Илоны сейчас находится Яська... Такая, какой я ее помню. Роскошная внешне, и при этом наивная, непосредственная, жутко эмоциональная, невыносимо вспыльчивая, самое необычное создание, какое мне приходилось видеть в жизни... И она мне говорит, что будет массировать каких-то мужиков?

Во мне вихрем поднимается дикая злоба и желание убивать! А я, блять, это себе только представил!

А еще стоило бы представить, что она, возможно, замужем сейчас, что у нее, возможно, куча цыганских детишек...

Ярость мечется во мне, не находя выхода и возможности ее применить! Я понимаю, что у меня нет и быть не может никаких причин сейчас так агонизировать! Но агонизирую. Взрываюсь внутренне. Как обычно, когда вспоминаю о ней. А вспоминаю о ней я всегда невовремя...

- Тебя подвезти? Я еду знакомиться с коллективом. Решил согласиться и пойти замом в Лёхину фирму.

- Ну-у, подвези, - подходит со спины, обнимает сзади.

Нет, я всё еще не стал импотентом. И всё также, как и раньше возбуждаюсь от мыслей о сексе. И, наверное, от женских ласк тоже. Но секс с Илоной - это нечто механическое, как в спортзале - ритмично и бездумно, практически без

эмоций, иногда даже думая о чем-то отвлеченном. Никакой радости. Никакого удовольствия.

То ли я старею, то ли черноглазая цыганская ведьма пять лет назад прокляла меня.

Илона касается губами кромки моего уха.

И вместо того, чтобы думать о чем-то приятном, я думаю о том, что она испакает меня сейчас помадой и нужно не забыть перед выходом ее стереть. И ловлю себя на мысли, что мне неприятно.

Впрочем, мне кажется, Илоне безразличны мои мысли и чувства.

...Высаживаю ее у массажного салона. Убегает туда, на работу, как на праздник, виляя тощей задницей.

Через мгновение после того, как скрывается за входной дверью, приходит сообщение от нее:

"Вечером с Милашкой меня не ждите. Задержусь. У Катюхи др. Уложи ее спать пораньше".

В смысле "её уложи"? Ей так-то уже немало лет. Пусть сама укладывается!

Накрывает раздражением от того, что Илона не понимает всей сути наших отношений с её дочерью, не видит её всё более откровенных взглядов, не желает слышать намёков, которые Милана без стеснения отвешивает в мою сторону. Может быть, она считает это игрой, но для меня-то это не игра!

Не ответив, еду в Лёхин офис, с трудом паркуюсь в центре города и, подгоняемый Лехиными постоянными сообще-

ниями с требованием поторопиться, буквально врываюсь в длинное одноэтажное здание с яркой вывеской на которой написано: "Территория радости". И ниже: "Мы сделаем каждый ваш праздник неповторимым".

В огромном помещении, чём-то напоминающем ангар для самолётов, только с отделкой попроще, куча разнообразной мебели, шарики-фонарики-корзинки-картины и чего только нет! А нет, кстати, нормального освещения.

Рискуя сломать ноги, по узкому проходу лавирую между всем этим хламом, пробираясь на далёкий Лехин голос.

Ему нестройно отвечают женские и мужские голоса, хохочут, Что-то переспрашивают.

И вдруг...

Замираю, услышав голос.

Сердце, ухнув в рёбра, устраивает бешеную пляску в груди. А я, идиот, таблетки свои, кажется, не взял - не привык как-то носить с собой, не верится, что я уже дожил до таблеток...

Прислушиваюсь. Да нет! Показалось!

Раньше мне часто её голос мерещился везде. Даже в собственной каюте. Даже в шуме корабельных двигателей...

-Воронец! Ну, Наконец-то! Мы тебя заждались, блин! - из-за какого-то ящика выныривает мой давний друбан Леха.

Обнимаемся, радостно вглядываясь друг в друга.

-Золотарёв, да ты на суше-то раздобрел, округлился, - шуточно толкаю в его широкое плечо, обтянутое белой фут-

болкой.

-А ты всё такой же...

-Какой?

-Пропали все мои девочки теперь. Вскружишь им голову!

-Я, вообще-то, человек женатый, но...

Я позорно теряю дар речи, выйдя в центр помещения. Потому что первая, на кого натыкаюсь взглядом, это - Ясмина, сучка, испоганившая всю мою жизнь...

3 глава

-Я сказала Золотареву, что увольняюсь.

-Ясенька, дурочка моя стоеросовая, и как подобное тебе могло в голову прийти? - Валентина Александровна, подогнав свою инвалидную коляску вплотную к столу, тянется к чайнику, чтобы налить нам чай.

Как обычно дергаюсь, чтобы ей помочь, но меня останавливает строгий предупреждающий взгляд. Моя квартирная хозяйка, а по совместительству, женщина, спасшая жизнь не только мне, но и моей дочке, не любит, когда её отстраняют от работы. Старается по мере возможностей всё делать сама.

А ещё её надо звать Валюшей и только на ты.

-Я же тебе говорю, Валюша, что компаньоном нашего Ле-хи оказался Воронеж. Тот самый. Отец Розочки. Я же тебе о нём рассказывала! - говорю с укором, искренне не понимая, как до Валентины Александровны не может дойти простая мысль - работать с Воронцом я не хочу и не буду! Я его видеть не могу. Причем физически. Когда вижу, просто умопомрачение какое-то наступает. - Ты не слышишь меня, что ли?

-Валюша у нас, конечно, инвалид, - закатывает глаза в своей обычной манере. - Но пока ещё не оглохла окончательно.

К ней надо привыкнуть. Она - специфический человек, с особенным чувством юмора, но потрясающей доброты. Она

может обложить такими матами, что поверить в два высших образования, одно из которых у Валюши педагогическое, станет просто невозможно. Но при этом она для нас сделала столько, сколько не захотел сделать родной отец.

-Ну, прости, я не хотела тебя обидеть...

-Не прощу! - припечатывает ладонью, увешанной перстнями, по столу. - Не прощу, если уволишься! Ты так любишь свою работу и из-за какого-то мудака должна её лишаться? Это надо быть совсем уж безвольной амёбой, чтобы свою жизнь так уродовать из-за кого-то! А тем более из-за козла, который бросил тебя беременной.

-Да он не знал, что я беременна...

-Ты уже его оправдываешь? - она ахает, подозрительно всматриваясь в мои глаза. - Батюшки мои!

-Да нет же! Нет!

Но я не знаю! Не знаю! Это глупо, невыносимо, неприятно, больно, но... Я когда увидела его чуть сознание не потеряла. И не от ненависти, нет! Хотя было бы логично. От восторга. От того, что он такой, какой есть - красивый невозможно. Да, немного более серьёзный и хмурый, чем раньше, но и ещё более мужественный, ещё более харизматичный... Из тех людей, которые входят в комнату, и все взгляды к себе приковывают.

Вот ничему нас, баб, жизнь не учит!

Сдаюсь. Сдуваюсь.

Падаю на табуретку, сложив руки на коленях.

- Что мне делать? Как жить? Я не могу каждый день его видеть? Я не выдержу!

- Я бы на твоём месте, - мечтательно протягивает Валюша.
- Отомстила бы ему. Влюбила бы в себя до безумия, а когда он снова потеряет голову, когда будет на коленях умолять тебя быть только его, вот тогда и кинуть, послать на х.. со всеми вытекающими!

- Во-первых, не факт, что в прошлый раз он уже терял голову. Возможно, это только мне не повезло. А во-вторых, он вообще-то женат. На безымянном пальце кольцо.

- Мудак, ох, и мудак! - Валюша стукнула кольцами по столу, как делала в минуты наивысшего своего возмущения.

- Кто мудак? - вбежала в комнату Розочка.

- Да есть тут один...

- Роза, эт-то что за выражения? Разве можно так говорить девочке?

- Ну, Валюша же тоже девочка. Она же говорит! - моя маленькая черноволосая дочка с ногами забралась на табуретку и с любопытством оглядела стол в поисках чего-то вкусенького для себя.

- Валюша больше никогда так говорить не будет! - я выразительно посмотрела на старушку.

Та сделал вид, что закрывает рот на замок и даже изобразила виноватое выражение лица. Но по яростному взгляду ее я понимала, что разговор на эту тему не окончен, а Воронец еще не все нелестные эпитеты получил.

Нет, я не тешила себя бессмысленными фантазиями о том, как влюбляю его в себя, как, вскружив голову, бросаю, фигурально вытерев ноги о его чувства. Я боялась, что элементарно влюблюсь сильнее, чем он, и снова буду предана.

На телефон пришло очередное сообщение от Золотарева. Предыдущее я не читала, потому что ясно сказала ему, что увольняюсь. Директор был удивлен и не возражал. Правда, заявление я не написала, потому что Алексея позвал Воронец, а я сбежала, чтобы только не оставаться с ними рядом.

Вслед за сообщением начальник позвонил сам.

Поразмыслив, я решила, что веду себя странно, тем более по отношению к Алексею, который, как начальник, был всегда на высоте, да и как мужчина не раз выручал меня - да даже неделю назад сам, лично, менял нам розетки!

- Да, Алексей Романович! Я вас слушаю! - нарочно бодро и даже весело ответила я.

- Ясмина, это что за демарш был с увольнением? А? У нас завтра детский праздник, который на тебя записан! Послезавтра ты фотографируешь выездную свадьбу. В четверг юбилей у жены губернатора. А кто зал будет оформлять? Короче, ты как хочешь, но я тебя не отпускаю! Если вопрос в зарплате, то, честное слово, в январе обещаю повышение тысяч на пять, не больше! И...

Он замялся, словно хотел сказать что-то не совсем по теме, а так как я молча ждала и не вставила ни слова, продолжил:

- И вообще, я тебя сегодня на ужин приглашаю! Да, часиков в восемь. Пойдешь?

Тот факт, что я нравлюсь своему начальнику, был мне известен давно.

Правда, ответить ему взаимностью я, как ни старалась, не могла. А без чувств затевать что-то серьезное, не имела желания.

Но вот именно сегодня данная ситуация вдруг для меня заиграла новыми красками... А что если, действительно, попробовать начать встречаться с Алексеем - он станет отличной защитой для меня от Воронца!

И я согласилась.

4 глава

Это был, пожалуй, самый нелепый день в моей жизни! Нелепый, глупый, дебильный день.

Отчаянно хотелось постучаться головой об стенку, чтобы придя в себя, вдруг понять, что мне моя действительность просто почудилась и на самом деле всё абсолютно иначе.

Я не хотел ее видеть.

Если бы мне сказали, что она будет работать у Лехи в фирме, ну, точнее, в нашей с ним фирме, я бы туда не пошел! Ни за что.

Усмехаюсь, закуривая у открытого окна.

Кому ты врешь, Воронец?

Ты бы всё равно пришел. Чтобы в ее лживые глаза посмотреть...

А когда-то её глаза казались мне самими красивыми в мире.

Ей было девятнадцать тогда. Она была неукротимой, невыдержанной, жутко эмоциональной, острой на язычок. Мы ругались постоянно, вспыхивая из-за мелочей, как спички. Потом мирились... Страстно, безудержно, так, словно это - наш последний день вместе.

Она была безумно красивой, чувственной, яркой. Когда я смотрел на нее, у меня перехватывало дыхание и в мыслях был только секс.

А секс с ней был вообще чем-то за гранью фантастики...

Зависаю на своём отражении в окне.

Блять. Я и сейчас её хочу. Безумно.

Она стала ещё красивее. Ещё сексуальнее.

Память услужливо посылает в мозг картинки одна за другой.

Вот ведь всё у неё не как у людей - ни тебе коротких юбок, ни декольте, ни облегающих платьев, как у моей жены, но при этом так маняще, так притягательно, кажется, не выглядит ни одна женщина в мире.

Тонкая фигурка с гордо выпрямленными плечами, но при этом ткань белой футболочки так облегает высокую грудь, что глаза отвести невозможно. Какого хрена я даже это успел разглядеть? При том, что был поражён и убит этой встречей?

А лицо... А глаза? Каждый взгляд, как удар ножом в сердце. Смуглая кожа. Но не тёмная, с таким неопрятным грязноватым отливом, как у всех цыганок, которых я видел, а золотистая, словно подсвеченная изнутри. Чёрные брови, изогнутые, "говорящие". Смотрит на тебя, поднимая одну, и тебе чудится, что вот она - королева, с презрением рассматривающая своего никчемного пажа.

И Золотарёв на неё смотрел, истекая слюной...

-Ну, ты готов? - словно почувствовав мои о нём мысли, Леха вошёл в свой кабинет, где для меня был сегодня любезно поставлен новый стол.

-К чему? - вяло ответил я.

Я был готов. Да.

Потому что недавние мысли просто не оставили мне шанса не быть готовым... Но вряд ли Леха интересовался сейчас вопросами моей физиологии.

-Как это "к чему", Никита! Ты меня поражаешь! Мы не виделись два года! Два! Если не считать коротких разговоров по делу, то и не общались совсем. Нужно обсудить, дорогой, как работать будем, чем конкретно ты займёшься. Да и вообще... за жизнь, за дружбу нашу выпить. Расслабиться. Ты против?

Я пожал плечами.

Пить не хотелось.

Но и возвращаться домой тоже желания не было.

-Как предпочитаешь, в ресторане посидеть или сюда еду заказать? У меня везде связи, через полчаса будет всё в ажуре.

-Сюда.

Я вздохнул с облегчением, что можно будет, действительно, расслабиться, а не сидеть на людях и держать марку.

-Я тут ещё наших девчонок позвал - Ясмину и Лерочку. Только, чур, уговор, Яська моя.

От этого заявления я задохнулся дымом.

Леха всегда был ловеласом. Во время наших совместных плаваний в каждом порту находил себе подругу на ночь, причём обычно "по любви", как говорится, а не за деньги. То, что вечер без бабы для него не вечер, я знал давно. Но вот то,

что Яська может повестись на подобное... Впрочем, за пять лет многое могло измениться.

Надежда просто расслабиться и выпить со старым другом медленно, но неуклонно тает, пока мы ждем заказ из ресторана и девочек, попивая коньяк из Лёхиных запасов.

А мне, блять, просто любопытно посмотреть на это... Ну, а что? Я-то все эти годы думал о ней с благоговейным трепетом, я думал о ней, как о гордой и неприступной. А оказывается, она тут зажигала с ловеласами, подобными Лёхе.

Вполуха слушаю болтовню Золотарева:

- Валерка наша ведёт торжества для взрослых, а Ясенька для детей. Никто лучше нее с малышкой не умеет работать. Ну, и она фотки делает еще. Мирон, ну, тот красавец, что с бородой, профессиональный певец и за музыку отвечает. Тимоха - за видео и фото. Есть еще Лаванда, её сегодня не было, она декорирует залы, плюс, как администратор. И Серёга, он так на подхвате, и как водитель. Ты на него внимания особо не обращай - бывший военный, посттравм у него, сильное заикание, почти не разговаривает.

- А ты?

- О, дорогой! А на мне так вообще, кажется, всё - от переговоров с заказчиками, до работы с банками. А мы тут еще видишь, новое здание в аренду взяли. Так вот я тут хочу сделать что-то типа банкетного зала, чтобы народ у нас полный комплекс услуг мог получать - не только обслуживание и сопровождение праздника, но и сам праздничный стол. Вот я

тебе и предлагаю буквально на выбор - что пожелаешь! Может как раз устройством банкетного зала и заняться, я, естественно, буду рядом, подскажу, помогу. А я уже по старым темам работать буду. Либо, если хочешь, наоборот...

Где-то вдалеке, но внутри необъятного здания, раздается грохот, словно упало что-то стеклянное и разбилось вдребезги.

Дергаюсь, чтобы пойти и посмотреть, но Лёха отмахивается, типа, не обращай внимания:

- Вангую, что ничего не найдешь разбитого. Тут, вообще, всякая чертовщина происходит. Ангар, как видишь, пристроен к старому дому. Мне дом риэлторы продавали, а раньше он бабке принадлежал. Местные говорят, вроде как она ведьмой была. То грохнет что-то, то скрипы всякие. То бывает, положишь в одно место, а оно в другом находится потом.

- Клиенты от таких странностей не разбегутся? - усмехаюсь я.

- Наоборот, поверь мне. В старом доме попозже еще сделаем что-то типа комнаты страха, так валить толпой будут...

В помещении будущего банкетного зала раздаются женские голоса.

Подбираюсь, как дикий зверь. Пытаюсь расслабиться в кресле, вливая в себя остатки коньяка из бокала - может, это вообще доставка. Но...

Знаю. Чувствую, что это - она. У меня на руках волосы

дыбом становятся. И член примерно так же.

Сука! Как же я с нею работать-то буду при таком раскладе?

5 глава. Как заставить босса повысить зарплату

- А ты что здесь делаешь? - первой произносит тот самый вопрос, который и я хочу задать, Валерия.

У меня нет вариантов ответа.

Молча развожу руками.

- Ой, только не говори, что наш ловелас решил сегодня за-
жечь с нами двумя одновременно, - прыскает Лерка, кокет-
ливо заправляя прядки коротких светлых волос за уши. - Я
вообще-то рассчитывала на ночь только с ним одним.

- Мы вообще о работе должны были поговорить. За ужи-
ном, - уточняю я.

Возле здания притормаживает машина доставки из
небольшого ресторанчика, который часто сотрудничает с на-
шей фирмой по организации праздников.

- А вот и наш у-ужи-ин! - Лерка забирает у доставщика
пакет с едой, второй он вручает мне. - Наш шеф, надеюсь,
оплатил еду?

Доставщик что-то там шутит, облизывая Лерку взглядом.

Она сегодня чудо, как хороша. Вообще, ей очень идут пла-
тья, которые она обычно не носит, предпочитая брючные ко-
стюмы и строгий деловой стиль. Но сегодня на ней красное
платье, шпильки, волосы завиты шикарными локонами. Яв-

но хотела нашего шефа сразить наповал.

- Ну, что, подруга, пошли? - кивает мне на дверь.

- Может, ты сама тогда, м? - нехорошее предчувствие не отпускает, и мне очего-то хочется поскорее вернуться домой к дочке. - Я могу свой вопрос с ним и завтра обсудить.

Лерка сует нос в свой пакет и восхищенно мычит оттуда:

- Слу-у-ушай, когда ты еще такое поешь с нашей зарплатой? Пошли! Не бойсь, я Лёшеньку беру на себя. Поешь, поприкалываемся и свалишь. Тебе тут десять минут до дома быстрым шагом.

Ну, раз уж все равно пришла...

Да и вопрос об увольнении лучше уж решить именно сегодня. Потому что завтра, возможно, снова придется встретиться с Никитой. А я этого не желаю совершенно.

Пока идем по огромному гулкому ангару, который Золотарев желает переделать под банкетный зал, Лерка без умолку болтает о гостях с ее последнего юбилея. И вдруг, уже у двери в кабинет, практически без перехода спрашивает:

- Как тебе наш соучредитель? Ой, блять, и где таких мужиков делают? И, главное, как так получается, что они еще щенками расхватываются, а? Я б его...

К счастью, дверь в кабинет распахивается изнутри, лишая меня возможности услышать, что такого неприличного могла бы сделать с Воронцом Лерка.

- Ну, девочки, ну, чего так долго? - Золотарев забирает у нас пакеты, кивая, чтобы мы проходили скорее внутрь.

В кабинете, который чаще всего служит им не только для Алексея, но и для нас всех, за сдвинутыми в центре двумя письменными столами сидит Никита.

На столе перед ним бутылка коньяка и два уже пустых бокала.

Пячусь к двери.

Вот только этого мне не хватало!

Предчувствие не обмануло!

Успеваю развернуться и даже шагнуть за дверь, как Золотарев замечает мой маневр и бежит следом.

- Ясенька, куда же ты?

Вылетает в ангар, закрывает дверь, хватая за локоть, ласково прижимая к своему боку.

- Малышка, ты куда это? А-а-а-а! В дамскую комнату? Ну, сбегай-сбегай, мы без тебя не начнем.

- Домой я, - бросаю ему отрывисто. - И заявление об увольнении завтра занесу.

- Ты серьезно, что ли? - он меняется в лице. - Одурела? Ну, с чего вдруг увольняться? Тебя что-то не устраивает? Я ж вроде с зарплатой не обижаю. В ситуации твои вхожу. Помогаю, чем могу. Или как-то обидел все-таки?

Нет, на самом деле, он говорит правду.

Более того, такая вот работа ненормированная, когда я могу быть занята всего по полдня, дает возможность уделять время дочке. Да и даже если нужно отлучиться, а у меня мероприятие, и сам Золотарев и Лерка, и другие ребята из кол-

лектива, всегда помогут, подменят. И зарплаты моей нам с Розочкой и Валюшей хватает. И Алексей дает мне возможность еще и фотографированием торжеств подрабатывать. Ну, и я просто люблю свою работу. Это тоже очень важно!

Но...

Хотя... постойте! А почему, собственно, Я должна увольняться? Почему Я должна всё терять из-за какого-то там... как сказала Валюша, мудака?

Или я что, бессловесная тварь какая-нибудь? Или я отпора не научилась давать? Да и кому отпор-то? Воронец женат, судя по кольцу. Я ему неинтересна. О дочке он не знает. И никогда не узнает. Потому что, кроме Валюши, рассказать некому. А она скорее язык себе откусит, чем меня предаст.

Я могу с Воронцом вообще не общаться. И всячески его избегать.

Но раз уж разговор об увольнении зашел, то надо бы из него и выгоду получить, а то когда еще получится шефа попугать?

- Ты знаешь, Лёш, я вот тут подумала, - беру его под локоть. - А чего это я правда взбеленилась? Вот если ты мне чуть зарплату поднимешь, то я и уходить не стану...

Обнимает за талию, затягивая в кабинет. Шепчет на ухо, делая вид, что пытается не дать Лере и Воронцу нас услышать, но на самом деле снова принялся за свое - губами вжимается в мою кожу, типа, целует. Это, наверное, по его задумке должно меня возбуждать. Но не возбуждает. Наобо-

рот, неприятно, как будто к коже прикасается что-то мерзкое, наподобие змеи или лягушки.

- Конечно, Малыш, буду платить столько, сколько скажешь, - говорит это уже в кабинете.

Зачем-то смотрю на Воронца.

И он на меня. С презрением.

Ой, мамочки! Он еще что-то из себя строит!

А за его спиной, вжавшись грудью в его плечи, как змея вьется Лерка!

Куда я попала? Что за...

6 глава

Это просто рефлекс, Воронеж!

Когда только ты успел им обзавестись, учитывая, что с Ясминой встречался-то всего-ничего.

Но мышцы напрягаются, а кулаки сжимаются сами, когда я вижу, как Лёха ее зажимает.

Не позволяю себе развивать эту мысль. Это меня не касается. Пытаюсь отрешиться, обратив внимание на вторую девушку.

Яркая блонди в облегающем красном платье деловито накрывает на стол, заигрывая со мной:

- Никита... мы ж можем на ты, да? У нас тут не принято разводить церемонии. Так во-о-от, Никита, налей-ка даме капельку спиртного, - достает со знанием дела из Лёхиного стола еще два бокала, подставляет.

Наливаю. Толкает незамысловатый тост за знакомство, чокаемся, выпивает.

Когда в кабинет вваливаются, не разнимая объятий, Золотарев и Ясмина, продолжая обсуждать что-то свое, Валерия вдруг оказывается рядом со мной и, склонившись над моим ухом со спины, произносит:

- Похоже, наш шеф сегодня захотел экзотики. А я, получается, приглашена для тебя?

Пиздец. Приплыли.

Но расклад в стиле Золотарева, да.

- Я вообще-то женат, - усмехаюсь блондинке.

- Так и я не безнадежно одинока, - смеется она, пробегаясь ладонями по моим плечам, взъерошивая мои волосы на затылке. - А ты ничего так... Хорошенький. Сильный. Думаю, мне понравится с тобой...

Меня это будоражит, да.

Но вовсе не из-за ее откровенных намеков. К сожалению, не из-за них. А как бы все могло быть просто!

Меня будоражит то, что ОНА ЭТО видит!

Встречаюсь взглядами с Яськой. Там такой ураган, что на секунду мне вдруг чудится - это она, как раньше, ко мне... для меня горит... Что ревнует, что любит до сих пор. Меня словно волной подхватывает или как на качелях вниз - на мгновение даже дыхание перехватывает!

И я снова каменею под её взглядом. Приходится чуть по-двинуться в кресле, расставить ноги, иначе хрен усидишь.

Но потом понимаю, что вот такая - растрепанная, с румянцем на щеках она, скорее всего, от того, ЧТО они делали там, за дверью! Целовались? Обжимались? Договаривались о предстоящей ночи?

- Та-а-ак! - тоном хозяйки застолья или профессионального тамады произносит Валерия, подставляя мне четыре бокала. - Первая пролетела, вторую крылом поманила. Не пора ли нам, друзья мои, вновь наполнить наши бокалы и выпить за... И выпить за настоящих мужчин. Их не так много оста-

лось!

Смотрит на меня, намекая, что это был комплимент в мою сторону.

Все берут бокалы. Тянемся, чтобы чокнуться.

- Не чокаясь. За вымерший вид! - бодро выдает зараза - Яська и опрокидывает в себя коньяк.

Ошарашенный Лёха провожает глазами движение ее руки с бокалом к губам и обратно на стол, явно недовольный вычеркиванием себя дорогого из списка настоящих мужчин.

Ну, это, ребята, у вас там свои личные разборки. Я-то тут вообще не при чем. Мы чокаемся с Лерой, но она не дает мне выпить, закрывая ладонью край моего бокала.

- Предлагаю на брудершафт, за знакомство.

- Фу, какая пошлость, - кривится Яська.

- Это, малыш, не пошлость, а старинная русская традиция! - снисходительно улыбается ей Лёха.

- И эта старинная русская традиция, называется старым добрым немецким словом? - закатывает глаза к потолку.

Как в старые добрые времена в ее присутствии меня разрывают на части совершенно противоположные эмоции.

Хочется с одной стороны смеяться, потому что она умеет шутить и отбрить любого. И это реально смешно.

А во-вторых, хочется треснуть ее, потому что вот это всё, издевки ее эти, только в данный момент направлены на Золотарева, но в долю секунды направление может кардинально измениться, и она вывалит и на меня кучу своих ненор-

мальных приколов.

Но смеяться её шуткам сейчас я не хочу. А треснуть... Не имею права.

Ловлю себя на мысли, что специально пью на брудершафт и целуюсь потом в губы с Лерой. Мне хочется, чтобы Заразе было так же ревниво, как и мне... Но...

Я вижу, как Золотарёв кладёт руку на её колено и... Сука, я вижу, как он ведёт ладонью вверх!

В этот момент звонит мой телефон.

С облегчением, что можно, наконец, не смотреть весь этот долбанный спектакль, выхожу за дверь.

Звонит Милана.

-Да?

-Ты где? - ревнивым и обиженным тоном, как будто она моя жена, а не её мать.

-На работе задерживаюсь.

-Я жду, давай скорее домой...

Какого хрена она мною командует? Какого хрена, блять, это всё происходит в моей жизни?

Впечатываюсь кулаком в один из столов, чтобы в мозгах хоть немного прояснилось.

Но не проясняется.

Наоборот. Вслед за мной из кабинета в огромный тёмный ангар вдруг выскакивает Зараза и, не глядя в мою сторону, несётся к выходу так, словно за ней погоня.

Это не моё дело.

Я не желаю с ней разговаривать.

Я вообще, сука, понять не могу, как моя жизнь вдруг попала в эту долбанную точку!

Но... Со мной происходит нечто странное. Словно на несколько мгновений отключается мозг - вспышка, вспышка, вспышка. И вот уже на крыльце я рефлексивно ловлю её за руку...

7 глава

-Успокойся, - сжимаю крепче, почти до боли. Понимаю, что это перебор, но накрывает каким-то странным болезненным приходом - я столько раз мысленно делал ей больно, что сразу понять не могу, выдумка вот это сейчас или на самом деле происходит. - Что случилось?

-Кроме того, что все мужики козлы? Ничего.

-Он, - киваю на дверь за нашими спинами. - Приставал к тебе?

Ведь явно же оскорбил как-то, поэтому она и рванула прочь.

-Нет, ну, что ты! Наоборот, честь мне оказал - пригласил в свою койку. Я от счастья потеряла дар речи. Вот теперь бегу домой за пижамой.

Приставал, значит.

А она, значит, "не такая"... Или "такая", но не при мне? Или в чем Лёхин прокол?

И вот, Воронец, ты услышал от неё то, что и сам уже понял. Что делать будешь с этим знанием?

А хрен его знает! Она, в конце концов, больше не моя женщина! И не мне решать её проблемы и бить за неё морды... Тем более, что мне показалось, будто она и сама была не против зажечь с Золотаревым.

Меня словно переклинивает. Я вообще сегодня невменя-

емый какой-то.

Я забываю, чего от неё хотел. Просто вдруг понимаю, что я её держу за руку. По-настоящему. Это не сон. Не бред. Это сейчас со мной происходит.

Я столько раз представлял себе нашу встречу. И как говорю ей что-то обидное. За то, что бросила меня тогда. За то, что ушла. А больше всего за то, что мне было очень плохо без неё.

-Отпусти меня, - повторяет она. - Оглох, что ли?

Надо отпускать. Надо. Мне геройствовать и что-то доказывать ей нет никакого резона. А с Лёхой я могу и потом поговорить по душам на эту тему. Но разумные мысли не выживают в моей голове. Там сейчас всё занято эмоциями, большая часть из которых не к месту и не ко времени.

И, главное, я поверить не могу в то, что Яська сейчас стоит рядом со мной!

Я ведь искал её. Смешно вспомнить, но я даже в этом её.. в цыганском таборе был. Чуть не убили там, правда. И обокрали, как мальчишку сопливого - сам им все деньги отдал, как будто под гипнозом.

Хочется спросить ее, как она живет, как дела. Перевести разговор в нормальное русло - в конце концов столько лет прошло, может, пора забыть все обиды и просто как-то жить, раз уж нам придется работать рядом?

Но смотрю в ее лицо, и понимаю, что на любой мой вопрос в этом своем состоянии, она будет отвечать хамством. И это

в лучшем случае.

Уговариваю себя, что, собственно, не очень-то и хотелось.

Наконец, отпускаю её руку.

- А ты всё такая же... Буйная, неукротимая...

- Дикая зараза? - усмехается она.

Я так ее звал когда-то, да.

Помнит.

И я помню.

Разворачивается, чтобы уйти, но потом вдруг передумывает и, обернувшись, говорит:

- И ты не изменился. На пальце кольцо, а ты зажимаешься с Леркой. Все такой же... потаскун.

Хочется сказать, что я вообще-то ничего такого уж компрометирующего себе с ее коллегой не позволил! Ну, выпили, ну, помассировала она мне плечи, ну, коснулась она своими губами моих, и что? Я-то дальше продолжать не намерен!

Но оправдываться перед Яськой? Да я лучше язык себе откушу!

- А ты завидуешь ей, да? Хочешь, чтобы с тобой "позажимался"?

- Да Боже, упаси! - решительно разворачивается к выходу снова и шагает, качая головой, типа, "куда я попала"!

А мои голодные глаза безотрывно смотрят на ее задницу, обтянутую облегающими джинсами. Она такая - кругленькая, упругая на вид... Раньше Яська ходила в одних платьях.

Любила необычные, яркие. Умела одеться так, что и не хочешь, а внимание на неё обратишь. Но не по-цыгански нелепо, а со вкусом, который, как утверждала сама, достался от мамы-итальянки.

А теперь вот, вроде и обычно, как всё выглядит... И, в то же время, ей идёт, как же ей идёт! И джинсы, и футболка, обтягивающая грудь, и черные волосы, собранные в высокий хвост. Этой заразе всё идёт! Наденьте на неё мешок из-под картошки, она и в мешке будет самой красивой!

Ну, елки, Воронеж! Ну, что за мысли? Чего тебя так размазало, а? Это просто спиртное виновато - я редко пью.

Берется за ручку, собираясь открыть дверь. На мгновение мешкается, явно собираясь еще что-нибудь мне выдать. Но я успеваю первым:

- Если что, я всегда к твоим услугам. По старой памяти.

- Придунок, - шипит, выскакивая за дверь, как ошпаренная.

Мой смех сам собой обрывается тут же, как только она уходит. А ведь до этого было весело!

Но как только я остаюсь один, накрывает каким-то таким знакомым ощущением... Потери.

Так, Воронеж, возьми себя в руки! Ещё не хватало...

8 глава. Философия жизни

После ухода Яськи оставаться и пить дальше нет желания. И я решаю вернуться домой.

Машину приходится оставить возле офиса.

Такси неторопливо движется по засыпающему городу. Мне кажется, водила нарочно петляет, чтобы побольше заработать в неурочный час.

Но есть в этом медленном движении по пустеющим улицам что-то завораживающее. Сидишь на заднем, а не на водительском. Расслабленно смотришь на мелькающие в окнах здания, фонари, деревья, редких прохожих и думаешь...

Одновременно обо всём и ни о чем.

И я думаю.

И вспоминаю.

- Я пирог испекла, - Яська кричит это из кухни, как только я появляюсь на пороге квартиры. - Быстрее!

- Что случилось? - врываюсь к ней, думая, что, может, держит горячий противень, что помощь нужна.

Она сидит за столом, забравшись с ногами на стул, и большой ложкой, которой обычно помешивают суп, отламывает огромные куски пирога, смазанного шоколадом, сгущёнкой и чём-то ещё, разноцветным и мною не осознанным. Отламывает и засовывает себе а рот.

Вся перепачканная. Сладкая.

Протягивает мне угощение в своей ложке.

-Скорее! А то я весь съем и тебе ничего не достанется.

-Тогда я сначала попробую крем, - целую её, слизываю с губ сладости, пачкаясь и смеясь...

Всё сложилось так, как сложилось.

Наверное, это судьба?

Сначала я дико на неё злился! Потому что уйти после скандала - это неправильно! Потому что нужно было поговорить потом, позже, когда мы оба остыли бы. Но она психанула. Я тоже. И там ещё в конце была эта моя фраза...

-Ну, я пойду тогда? Потому что ты меня уже достал!

-А говорила, что любишь!

-Ошибалась!

-Ну, иди тогда!

-Вещи, будь добр, пришли доставкой!

-Ага! Щаззз! Забирай сразу, чтобы не надумала вернуть-ся!

Но это я в сердцах тогда ляпнул! Потому что... Ну, теперь понимаю, что из нас двоих кто-то должен был быть мудрее и спокойнее, но тогда... Тогда спокойным и выдержанным я был на работе, а вот в чувствах не умел, не научился ещё сдерживать эмоции.

Вещи ее я тогда скинул с балкона. Старинный чемодан был сделан настоящими мастерами, видимо. Он даже не открылся в момент удара о землю. Яська подняла его, отряхнула и, показав мне фак, гордо удалилась в неизвестном на-

правления.

Я был уверен, что завтра вернётся.

Я помню, чем закончилась наша ссора так явно, как будто она вчера случилась. А вот из-за чего она началась, не помню, хоть убей.

Кажется, я что-то нелестное сказал о цыганах. Или ей показалось, что я пьялился на ведущую какой-то программы? Или она нашла на моем пальто женский волос? Или это было в другой раз?

Мы были такие глупые, такие вспыльчивые - из ерунды такие скандалы раздували! Я её к каждому столбу ревновал. Она меня тоже...

А теперь вот у меня спокойная семейная жизнь. Всё размерянно, всё устаканенно, а вспомнить нечего, и желать нечего, и мечтать не о чем. Впрочем, зачем мужчинам мечтать?

Теперь я умею сдерживать эмоции.

Хотя... Может быть, дело в том, что эмоций нет?

А с Яськой я мечтал. О свадьбе. О наших будущих детях. О том, как она будет беременной от меня, неуклюжей, с круглым животиком. Как я буду, просыпаясь ночью, гладить ладонью своего сына у неё внутри...

Почему я не могу забыть то, чего не случилось? Почему не могу забыть свои глупые невозможные желания?

Такси поворачивает в проулок, где находится массажный салон, в котором работает Илона.

Нет, Илона никогда не была душевно мне близка. И мне, наверное, не станет легче, если я с ней сейчас встречу, но все-таки несколько лет мы прожили вместе, а так... По сути, у меня больше никого и не осталось...

Прошу притормозить у салона и подождать. Уже поздно, возможно, она заканчивает уже, и мы сможем поехать домой вместе.

Мобильный её отключён, иногда она так делает, когда клиент какой-нибудь важный. Салон элитный, клиентов ничего не должно раздражать, а мастера ничего не должно отвлекать.

Решаю сходить, потому что тупо хочется спать после выпивки.

У стойки, где обычно дежурит администратор, пусто.

Я пару раз бывал у Илоны - по её просьбе завозил ей какие-то мелочи, забытые дома. И даже знаком с владельцем салона и некоторыми сотрудниками.

Поднимаюсь на второй этаж.

В здании тихо - практически все кабинеты уже закрыты. В длинном коридоре темно, но из-под двери помещения, где принимает Илона, видна тонкая полоска света.

Подхожу ближе к двери, заношу руку, чтобы постучать, и тут оттуда, из кабинета доносится громкий стон.

Нет, я, конечно, может быть и принял бы этот стон за выражение удовольствия от массажа, но... Во-первых, стон явно женский, и стон явно принадлежит Илона, все-таки при-

ходило слышать... Ну, и характерное ритмичное постукивание не оставляет шансов как-то иначе интерпретировать происходящее.

Не стуча, нажимаю на ручку. И дверь отворяется.

9 глава.

Сразу извиняюсь за маты. Ну, сами понимаете, без них мысли мужчины об измене женщины как-то сложно представить...

-Отпусти! - с выражением шока на лице голая Илона пытается вывернуться из-под пузатого мужичка, который жарил её прямо на массажном столе. И вид у нее такой, словно он делал это против ее воли! Актриса...

Сконфуженный мужик с опадающим буквально на глазах членом опасливо дёргается в сторону своих шмоток, сложенных рядышком на кресле.

Вхожу. Осматриваюсь.

Хорошо устроились - музончик расслабляющий едва-едва звучит из колонки, на столике бутылочка вина и фрукты, дымятся ароматические палочки. Зашибись!

-Знаешь анекдот, - хмыкаю я, обращаясь к мужику. - Возвращается моряк из дальнего плавания, а его жена трахается в супружеской постели с любовником...

-Никита, прости! Я сейчас всё объясню!

-Мужик, - пузатый извиняюще смотрит на меня, с трудом попадая ногой в штанину. - Это ваши проблемы. Я тут ни при чем. Я заплатил за допугуслуги и все дела, а замужем ли шлюшка или нет, салон инфу не предоставляет.

Пиздец, Илона, как низко ты пала.

-Да, не, ребята, меня там такси ждёт. Вы продолжайте, раз уж допусслуги оплачены.

Захлопывая дверь в кабинет снаружи, слышу, как Илона что-то там призывно кричит мне, как матерится мужик.

Навстречу несётся по лестнице администраторша.

-Простите, туда нельзя! - кричит мне испуганно.

Да я уже ТУДА сходил. Всё увидел.

Просто молча обхожу её и спускаюсь вниз.

Дааа, Воронеж, ты и предположить не мог, что у тебя на голове уже ветвится давно...

Пиздец. Чо тут скажешь!

Но странным образом мне вдруг становится похуй.

И даже немного легче. Потому что я, придурок, сегодня весь день думал о Заразе и чувствовал какую-то иррациональную вину перед женой. Хотя ведь только думал! Ну, может, где-то в глубине души сожалел о том, что не сложилось с Яськой, но считал неправильным по отношению к Илоне такие мысли и душил их в себе.

А Илона, получается, спит со своими клиентами. И, возможно, давно.

А значит, я не виноват?

Дебильную мысль о том, что я теперь могу считать себя свободным и с чистой совестью разводиться, гоню прочь. Потому что вслед за нею тут же откуда-то появляется ещё более дебильная. О том, что Яська, кажется, не замужем... Ну, раз, Золотарёв к ней подкатывает. Впрочем, вон Ило-

на замужем, разве это ей как-то помешало зарабатывать не только массажем?

Ох, бабы! Какие же вы суки!

Неужели и Яська такая?

Ты такой наивный, Воронец! Ты был уверен, что Илона "не такая"!

Звонит телефон. Жена.

Отключаю.

Поднимаюсь в квартиру. Не включая свет, захожу в спальню. Раздеваюсь, желая только одного - спать и ни о чем не думать.

Но думается! Думается о том, что меня нахер задолбало всё! Что я баб больше знать не желаю! Что все они - дуры и мерзкие создания! И я вот просто с завтрашнего дня завязываю со всеми навсегда! Ну, не судьба мне найти нормальную, чтобы семья, дети, покой дома, и верность, и любовь...

И с этими мыслями отрубаясь, упав вниз лицом поперёк кровати.

Просыпаюсь от того, что спину массируют чьи-то руки, а на бедрах чувствуется тяжесть тела.

Илона часто после рейса делала мне массаж.

Ещё не вспоминив до конца о том, что нового я узнал вчера о своей жене, я уже испытываю какое-то омерзение, чти ли! И переворачиваюсь на спину вовсе не для продолжения, а чтобы это всё прекратить!

Но та, кто находится сверху, ловко приподнимается и

опускается на мои бёдра уже с лицевой, так скажем, стороны!

Мне становится мерзко. Моментально вспоминается картинка, которую я увидел вечером.

Мерзко потому, что совать свой член туда, где совсем ещё недавно был член какого-то другого левого мужика, совершенно не хочется. Я даже не возбуждаюсь от того, как она начинает на мне ерзать, активно дергая бёдрами, как будто я уже в ней.

Пытаюсь ссадить с себя, ухватив за талию.

И тут понимаю, что это не Илона! Илона помассивнее, потяжелее, да и талия у нее тактильно помниться намного шире.

-Что за херня?

В это мгновение свет в спальне загорается.

И я в шоке смотрю на тот абсурд, который тут происходит!

На пороге стоит Илона. Вся такая целомудренная. В закрытой до самого горла блузке и джинсах.

А со мною рядом на кровати лежит Миланка. В материнном пеньюаре и, кажется, без белья под ним...

10 глава. Трудовые будни

Помогаю Лаванде надувать шарики - насосом получается делать это быстро и ненапряжно, не то, что губами. Она подготавливает запчасти для фотозоны - сегодня у нас юбилей у двенадцатилетней девочки, и мы решили его провести в стиле Барби.

Да-да, я отлично понимаю, что противоречу клятве, данной самой себе же, кстати! Она заключалась в том, что я не буду приближаться к Воронцу на расстояние десяти метров! Впрочем, формально требования клятвы можно считать выполненными, так как мы с ним в этот момент находимся в разных комнатах...

Но там, за чуть приоткрытой дверью, сейчас происходит та-а-акой разговор, что я не могу себя заставить уйти!

Воронец сознается в преступлении.

А Золотарев придумывает схему, чтобы его друг избежал наказания за это преступление!

Шикарно просто!

Суть преступления, похоже, состояла в том, что Воронца вчера жена поймала в постели с кем-то... Пока непонятно, с кем.

Вот же негодяй! Вот она - сущность Воронца! Изменщик! А я так и знала! Так и чувствовала! И хорошо, что Бог отвел тогда...

Третий шарик подряд лопается от того, что я слишком сильно его сжимаю. Но меня такие эмоции сейчас обуревают, что я сдержаться не могу!

- Ясь, ну, ты поаккуратнее, что ли! - просит Лаванда, с подозрением всматриваясь в мое лицо. - У нас шаров пудрового цвета и так маловато, а ты прям, как нарочно, именно их взрываешь и взрываешь!

Упс! Беру из упаковки белые, которых много.

Смещаюсь еще на пару шагов ближе к двери, чтобы лучше слышать...

- А ты что?

- Заставил Миланку одеться и повез в травмпункт, чтобы засвидетельствовали, что я ее не трогал и никак не принуждал.

- А они что?

- Засвидетельствовали. Полового акта не было, побоев или там синяков тоже нет.

- Фотку покажи!

- Какую? Из травмпункта?

- Да нет, Миланки этой твоей!

- Лёха, чего это моей, а? Я ее и пальцем не трогал! И в мыслях такого не было! Да она же ребенок совсем! Я что, по-твоему, совсем мудака?

Елки! Он еще сомневается! Конечно, мудака! Вот я, например, тоже могу подписаться под этим его определением! Еще какой мудака!

А эта история - позорище просто! Жесть какая!

Я так увлекаюсь подслушиванием, что совсем про шарики забываю. Так и стою с насосом, застыв у двери с открытым ртом и ловлю каждое слово. Даже не замечаю, что рядом пристраивается Лаванда. И тоже с интересом прислушивается к разговору нашего начальства.

- О-о, Никит, да тут деваха-то скороспелая. На вид ей лет двадцать, не меньше! Губы накачала, татуаж бровей, ресниц, а ногти! Пантера, а не девка!

- Блять, Лёха, я ее с одиннадцати лет растил! У меня никогда на ее счет и в мыслях не было ничего такого.

- А у нее?

Воронец тяжело и раздраженно вздыхает.

- А у нее, походу, было...

- А что Миланка в травмпункте говорила?

- Там, в основном, Илона говорила... Что? Ну, то и говорила, что я якобы периодически к её дочери приставал, что она замечала странности в моем поведении.

- Да ей-то так тебя подставлять зачем?

- А я ее вчера поймал на измене и, естественно, собрался подавать на развод.

- Да-а-а, Никитос, вот это у тебя вчера денек был!

-Эх, а я бы такому, как наш новый красивый шеф, ни за что изменять бы не стала! - вдруг раздается за моей спиной голосом Лаванды.

Резво поворачиваюсь к ней. Ну, точно! Подслушивала!

- А что? - по моему осуждающему взгляду читает мысли она. - Тебе можно, а мне нельзя, да? Тоже, между прочим, интересно!

В ангар открывает входную дверь Тимофей и, видимо, сквозняком тут же резко захлопывает дверь в кабинет, практически перед нашими с Лавандой носами!

Отскакиваем с ней синхронно с криком ужаса. Выпускаем под потолок два, накачанных гелием шарика.

Ну, вот! Как жаль, так и не узнаю, чем там дело закончилось!

Но в глубине души... Где-то очень глубоко... Я даже немножко рада, что с Воронцом произошла такая, вот неприятная история. Потому что... За столько лет просто вот до жути привыкла желать ему всяческих бед...

- Ну, ёлки! Я только стремянку в фургон отнес! - тут же начинает на нас ругаться Тимофей.

- Тимоша, ну, пожалуйста! Ну, достань! - хлопает черными ресницами милашка Лаванда. И по уши влюбленный в нее Тимофей, естественно, идет за стремянкой, чтобы достать шарики.

Возвращается буквально через пару минут, ставит стремянку, залезает и начинает доставать шарики - потолок высокий, поэтому это не так-то просто.

-Вы знаете, - приглушенным голосом вдруг заявляет Лаванда, придерживая стремянку. - Я однажды одна здесь вечером сидела, придумывала каркас для оформления входа в

свадебный зал. И вооон оттуда, да-да, со стороны бабкиной части дома, услышала пение.

-Ой, - отмахиваюсь я. - Не верю я во все эти глупости!

И тут вдруг именно с той стороны, куда она показывала, доносится жуткий грохот! Просто вот как будто кто-то взял большой железный таз и лупит по нему металлической палкой!

Лаванда от неожиданности бросает стремянку. Тимофей падает. Я шугаюсь в сторону, попадая в руки... Ну, Воронца, естественно!

Он ловко ловит, сжимая и удерживая от падения. Но сам, видимо, цепляется ногой на оставленный Тимофеем на полу инструмент и мы начинаем падать.

Он на пол. Я сверху. Вполне даже аккуратно приземляюсь. Ровнехонько на него. Едва успеваю выставить руки по обе стороны от его головы, чтобы не врезаться лицом в лицо!

Где-то стонет от боли Тимофей. Где-то причитает над ним Лаванда. Где-то кто-то все так же бьёт в металлический таз, а шеф пораженно созерцает открывшийся перед ним в ангаре бардак... А я лежу на Воронце и с восхищением рассматриваю чёрные крапинки на шоколадных радужках его глаз...

11 глава. Сумасшедшая

-Какая ты красивая, - с ужасом слышу произносимое мною же самим.

Воронец, ты точно умом тронулся! Это же - Зараза! А тебе, походу, мало проблем с бабами, ты ещё одну хочешь до кучи? Так Зараза тебе легко обеспечит парочку!

Но если она реально красивая?! Разве я виноват?

-Ты головой звезданулся? - спрашивает она почти ласково, подозрительно сощуривая свои чёрные глазищи.

-Да, - вру я. - И боюсь, заработал из-за тебя сотрясение.

Пусть лучше уж будет хоть такое объяснение, чем правда.

-Да почему это "из-за меня"? Ты сам на меня напал!

-Да нет! Это ты в меня врезалась и сбила с ног!

Начинает ерзать, пытаясь с меня встать. Неаккуратно проезжается бедром по ширинке. И.... естественно, Зараза! Я ж живой человек! И да, у меня всё работает, как надо!

Округляет глаза так сильно, что мне даже смешно становится.

-Ты совсем обалдел? - спрашивает, как будто от меня подобные вещи как-то зависят.

-Да я то тут при чем? Ты на меня практически верхом усе-лась. А это - нормальная мужская реакция.

-Ну, тогда я не удивлюсь, если с такими реакциями ты реально скоро сядешь...

Чего? Она слышала, получается! Да точно слышала! Иначе бы не смотрела так осуждающе!

Оглядываюсь вокруг. Все заняты вытаскиванием из-под стремянки пострадавшего парня, на нас совсем никто не обращает внимания.

Подхватываюсь с пола, ловлю её за руку и, пока не додумалась поорать, тащу через кабинет Золотарёва, который и не кабинет вовсе, а проходной двор какой-то, прямо туда, в старую пристройку, в которой Леха что там... Комнату страха сделать хочет?

-Куда ты меня тащишь? - пищит она.

-Обсудить вопрос моих реакций.

-Беру свои слова обратно, - тут же сдаётся, не принимая бой.

-Поздно, дорогая моя!

Залетаю вместе с ней в тёмную, какую-то жутко тесную, занавешенную непонятными тряпками внутри, комнату. Здесь неожиданно тихо. Как будто имеется специально созданная звукоизоляция. И ничего не слышно абсолютно извне, словно мы под воду нырнули.

-Ой, - пугается она, вжимаясь в меня сбоку.

-Страшно? - смеюсь, неожиданно забывая о своих реально очень больших проблемах.

-Очень...

Я помню. Когда ситуация реально швах, Зараза никогда не солжет.

Но если нужно сражаться, за своих будет биться до последнего.

Я зачем-то всё помню о ней до сих пор... Правда, теперь я для нее уже не "свой", чтобы за меня биться...

-Ты подслушивала?

-Зачем сразу подслушивала? Случайно услышала.

-Слушай, а давай ты мне поможешь?

-Я? Тебе? Да с какой стати?

А я и сам не знаю, какой такой помощи у нее собираюсь просить. Просто вот это всё произошло сейчас с падением, и я зачем-то притащил ее...

Где-то совсем рядом, буквально за стеной, в соседней комнате, вход в которую прикрыт закрепленным в проеме одеялом, вдруг раздается скрип. Не такой, как если бы открылась дверь и заскрипели несмазанные петли, а скрип половиц, как если бы кто-то неторопливо, с расстановкой, шагал откуда-то сюда, к этой комнате.

Окна занавешены тоже, а потому в сумраке создается ощущение чьего-то близкого присутствия.

Яська, не дыша, смотрит на меня с выражением ужаса на лице.

А меня разбирает смех! Потому что я уверен, там в другой комнате - кошка, ну, или сквозняком какую-нибудь доску шевелит, короче, есть какое-то реальное, нормальное объяснение, а не вот то всё, намек на что отражается сейчас в ее черных глазах.

Скрипение половиц медленно, но неуклонно движется в нашу сторону.

Дергаюсь к дверному проему, чтобы откинуть одеяло и просто посмотреть, что это за ерунда, но Яська хватается за руку и прижимается сбоку.

- Стой! Это же она!

- Кто? - едва сдерживаю смех, но не иду, не иду туда! Потому что... Ну, как пойдешь, если вот сейчас я держу ее за руку? Если она сама взяла... Если мы вдвоем, отрезаны от всего мира. И она напугана. А я могу ее защитить.

И хочу.

Провожу ладонями по ее плечам, вниз по рукам, до самых ладоней. Боже, какая же она... Нежная, красивая, теплая. Как у нее глаза блестят в полумраке... Сердце разгоняется в груди так сильно, что кажется, бьется уже где-то у самого горла!

- Никита, - шепчет она, чуть наклоняясь в мою сторону.

Мозг пронзает потрясающая догадка! Она хочет, чтобы я ее сейчас поцеловал!

От этой мысли волной возбуждения так торкает в мозг... и не только в мозг, что я перестаю соображать, и начинаю склоняться к ее губам, медленно, не отпуская взгляда.

- Никита...

Господи, мое имя, как музыка в ее исполнении... Дыхание перехватывает.

- Говорят, - вдруг загробным голосом произносит Зараза.
- Что ведьма, которая тут жила, ненавидела мужиков-измен-

щиков. И каждого, кто каким-то образом попадал в ее владения, лишала мужской силы... Напрочь!

Непонимающе смотрю на нее. Это к чему?

- Ты бы поберег свои причиндалы. И бежал бы отсюда без оглядки! Потому что это.... Это она там ходит!

Последнюю фразу она заканчивает таким жутким "ха-ха-ха", что я реально немного дергаюсь. Но, естественно, не от страха перед давно почившей бабкой, а скорее от мысли, что Зараза тронулась умом.

- Ладно, - вдруг мило улыбается, подныривает под мою руку и мгновенно подскакивает к двери. - Мне пора!

Исчезает в кабинете Лехи, закрывая за собой дверь.

Щелкает замок.

Да ладно!

Подхожу, дергаю за ручку...

Да быть того не может!

Дверь заперта.

Стою. Думаю. Звать на помощь - несерьезно.

Ломать дверь? Ну, тоже не вариант.

Едва притихший на время скрип в соседней комнате вдруг становится громче и ближе...

12 глава. Женские слабости

Практически бегом пересекаю кабинет шефа.

На столе у Золотарёва лежит мужская сумка. Такая - на ремешке через плечо. Это точно Воронца. Потому что у Алексея я такой никогда не видела.

Она чуть приоткрыта.

Притормаживаю. Не могу удержаться.

Внутри виден уголок бумажника, права в ламинированном чехле, телефон.

Одним пальцем приподнимаю край сумки, косясь на дверь - мало ли, вдруг кто войдёт, вопросов не оберешься!

Мне стыдно и страшно - вдруг кто-нибудь застанет за таким вот занятием, но предчувствие, что туда надо заглянуть, пересиливает стыд.

Под бумажником нитяной браслет.

Вздрагиваю, коснувшись его.

Узнаю.

Мой. Я его когда-то Никите делала.

По коже мурашки бегут от неожиданной мысли - Воронец хранил мой подарок все эти годы? Зачем?

Трогаю туго переплетённые яркие нитки. Они потерты и растрепаны, как будто все эти годы... он носил браслет!

Это... неожиданно.

Это немного меняет тональность.

Я не позволяю себе вдуматься, но глупое сердце сжимается.

Яська, это ничего не значит! Подумаешь, браслет! Да может, он засунул его в эту сумку сто лет назад и забыл думать! И просто так совпало...

Но сам факт... заставляет меня вернуться к двери, ведущей в старую часть дома. И отпереть замок. Потому что если хранил, то я его ТАМ одного не могу оставить, каким бы мудаком он не был!

Вопреки моим ожиданиям, Воронеж в ту же секунду не выходит из тёмной жуткой комнатухи.

Заглядываю внутрь.

-Эй! Э-э-эй! Воронеж! Ты здесь?

В ответ тишина.

Внутри никого.

Идти во владения старой ведьмы очень не хочется. Потому что я не знаю, как другие, но я там, внутри, просто-таки ощущаю её присутствие! И её злобу! Ох, как она ненавидит всех людей! Ох, как желает, чтобы всем было плохо. Только она не может ничего сделать.

-Воронееец! - зову, переступая порог.

Там, внутри дома, много комнат. Но я дальше этой, самой крайней, ни разу не была. И не желаю быть.

Там - её владения, её жилище, хоть её самой уже нет на этом свете. Мама говорила, что мне передалось что-то такое, особенное от цыган, по отцовской линии. Я и сама попой

ощущала это. Вот, например, в тот день, когда увидела Никиту с женщиной возле дома. Меня словно кто-то в спину толкал именно в тот день, чтобы шла к нему.

Как будто этот кто-то хотел мне глаза открыть.

Но... Воронеж всё ещё остаётся отцом моей дочери. Пусть отцом никудышным. Но я не могу его там... Мало ли... Вдруг эта ведьма с ним что-нибудь сделает.

С опаской на цыпочках пересекаю комнату и, отодвинув одеяло, перекрывающее вход в другую комнату, заглядываю туда.

И меня вдруг сметает ураганом. И пискнуть не успеваю, как оказываюсь впечатанной в стену спиной, а грудью... в твёрдое тело Воронца.

Зачем? Почему?

Не понимаю.

Да мозг и не желает понимать.

Мозг желает... думать о том, что ладно бы просто поймал и прижал... Ну, мало ли какие у мужчины реакции в критической ситуации (а она реально критическая - оказаться запертым в этой комнате, где старая ведьма жила!).

Но он зачем-то по волосам меня гладит!

А его сердце так бешено пульсирует в мою грудь, что мое, отзываясь на это биение, набирает скорость тоже.

Пахнет так же, как раньше. Умопомрачительно. Я этот запах не забыла! Хотя и надеялась забыть...

И ощущение мужского тела, крепкого, твёрдого под мо-

ими выставленными перед собой ладонями делает меня дурочкой - я знаю, что нужно оттолкнуть и уйти, но не могу!

Скажи ему! Скажи, чтобы отпустил!

Но я позорно молчу, пытаюсь ещё хоть на минуту продлить крышесносное ощущение его объятий!

В комнате темно. И может... Может, он меня принимает за кого-то другого? Потому что разве стал бы он меня...

Но губы Никиты вдруг накрывают мои.

Задохнувшись, не могу удержать веки - они захлопываются. Мысленно клянусь себе, что это только на минуточку, а потом я обязательно его оттолкну...

Но язык его нагло толкается в мой рот. Так жадно, словно он, как и я, сто лет не целовался! В низ моего живота вжимается что-то твердое... И пусть у меня сто лет секса не было, я отлично помню, что это!

Оторвавшись от моего рта, жадно кусает губами шею, мочку уха, потом впивается зубами ниже, практически в плечо.

В моих ушах так долбит пульсом, что я не могу сразу понять, кто из нас двоих так сладко и горячо стонет. Но совершенно точно, это мои колени отказываются меня держать, подкашиваются, и я, как обезьянка, вцепляюсь в него руками, готовая на всё, лишь бы он ещё раз...

-Яся! Никита! Воронееец! - зовёт из кабинета Золотарёв.
- Куда вы подевались, а? Странно...

Воронец отстраняется.

Лбом упирается в мой лоб.

Мы дышим с ним, как загнанные лошади.

Разум медленно и неохотно ползёт на своё место.

Яська, дура такая, никакой гордости у тебя нет! Ты что же делаешь, идиотка? Забыла, как он с тобой поступил?

Запоздало отталкиваю.

-Немедленно отпустил!

-Да я и не держу! - демонстрирует поднятые вверх ладони.

И правда, не держал уже... Сама стояла, прижавшись! Дура набитая!

-Ну, ты и... Сексигигант! Извращенец!

-Чего это? - насмешливо.

-Жена есть, какая-то малолетняя любовница есть, так теперь еще и меня склонить к разврату пытаешься!

-Дура! - бросает он, срываясь прочь из старого дома на зов Золотарёва.

Да это-то я уже и сама поняла...

13 глава. Первый блин...

Переодевшись в Мальвину и лису Алису, Яська и девушка, которая занималась декорированием зала, проводят курсы для детей.

Я снимаю, вынужденно подменяя парня, на которого упала стремянка. По ходу, он сломал палец, и Лёха повез его в травмпункт.

Из меня оператор тот ещё. Снова, уже в который раз, камера зависает на Мальвине, отказываясь опускаться к визжащим от восторга детям.

-Я буду читать пожелалки, а вы громко кричите "Да!" и хлопайте, если согласны, или "Нет! " и топайте, если не согласны. Готовы? - весело тараторит Мальвина.

Боже мой, как ей идёт костюмчик! И парик... И макияж! И это просто - воплощение эротических фантазий какое-то! Поверх голубого платьяца с кружевами по подолу надет тугой корсет, который не только подчёркивает тонкую талию, но и оч-чень соблазнительно приподнимает грудь!

И нет, естественно, там всё целомудренно прикрыто, но я-то вижу! И я-то знаю...

Я в какой-то эйфории нахожусь. В неуместной и странной эйфории.

У меня дома треш адский, а я тут размазанный и вдохновленный из-за того поцелуя. А больше из-за её отклика на

него.

Не хочется думать о проблемах, хочется думать об Аське. Это просто чудо какое-то, что я теперь имею полное моральное право о ней думать! Ведь имею же? После того, что у меня дома произошло, я даже обязан ответить тем же.

Разум пытается рассуждать о том, что я просто застал За-разу в расплах, что отвечала она, возможно, вовсе не потому, что хотела отвечать, а просто... Почему просто, Воронеж? Девочки если не хотят целоваться, то и не целуются.

Разум пытается втолковать неразумному сердцу, что я совсем ничего о ней теперяшней не знаю. А у нее там, может, семья и дети...

Но она отвечала! И этот факт рушить все разумные доводы, почему мне нельзя о ней думать!

Адский треш напоминает о себе сам.

Извернувшись, чтобы не съехать камерой с детей, достаю вибрирующий телефон из заднего кармана.

Илона.

"Мы с Миланой в отделении полиции. Собираемся написать на тебя заявление о совращении несовершеннолетней. Если не хочешь этого, приезжай к нотариусу через час. Адрес скину. Документы на квартиру взяла".

Сука! Хрен тебе, а не пол квартиры! По-хорошему ты уже и сама должна на квартиру себе заработать - вон какой прибыльный приработок имеешь!

Фоткаю ей фак, собираясь ответить без слов.

Какой-то мелкий чувак в клоунском носе и праздничном колпачке неожиданно комментирует откуда-то из-за моей спины.

-Ничего себе как не стыдно! Взрослый дядя, а материшься!

Пиздец. Вляпался. Сейчас растрезвонит своим родителям, которые отмечают День рождения именинницы во взрослой компании в соседнем зале!

Спасая положение:

-Это был не мат, а морской язык жестов.

-Ага-ага! - снисходительно.

-Хочешь научу? - мозг лихорадочно соображает, что бы ему такое показать и, одновременно, как бы стереть из записи кусок, где он меня поучает.

-Ну, давай!

-Неси два красных шарика! - командую, устанавливая камеру на штатив так, чтобы она продолжала сама снимать Яську с детьми.

Шарики скоро оказываются в моих руках.

- Смотри, правая рука вверх, а левая параллельно полу вбок - это буква "П", теперь если обе руки вниз и соединить вот таким полукругом - это "о".

- Дай я, дай я! - пацан в нетерпении прыгает рядом, вытягивая руки в стороны шариков. - Попро-о-обую!

- Давай, я покажу слово "поздравляю", а ты попробуешь повторить для именинницы?

- Давай.

- Только смотри внимательно и запоминай!

Я увлеченно размахиваю руками, вспоминая морской язык жестов, пацан с явным напряжением на лице внимательно смотрит. Я даже не замечаю, что большинство детей тоже столпились возле нас за моей спиной и с интересом наблюдают за здоровым дядькой, который решил помахать шариками.

Потом, когда они, варварски повырывав шары из гирлянды возле фотозоны, разбегаются по залу, яростно размахивая ими друг перед другом, я с триумфом смотрю на Заразу - видишь, как круто и просто я сумел развлечь детей?

- Воронец, - шипит она разъяренной кошкой. - Ты что делаешь? Как нам их теперь собирать? Испоганил всё мероприятие!

- Наоборот, я их занял, - но уверенность быстро меня покидает, потому что дети начинают по-одному перебираться в зал для взрослых со своими шариками.

С ужасом смотрим в проем между залами.

Вот уже первый шарик шлепнулся в тарелку какому-то мужику. Вот второй с громким хлопком лопнул, заставив породную даму, собравшуюся толкать тост, выронить на пол рюмку. Вот первый ребенок взвыл на весь ресторан из-за того, что красных шаров ему не досталось и пришлось взять "некрасивый синий".

- Чо теперь делать? - с надеждой смотрю на Заразу.

- Теперь нам нужно их как-то... удивить! Пошли, Воронеж, будешь переодеваться...

14 глава. Таланты и поклонники

В маленькой комнатке, служащей ресторану чем-то вроде кладовки, а нам гримёркой, достаю из большой сумки с реквизитом костюм для Воронца.

Он округляет глаза.

-Не-не-не, я ж не смогу! Это ж играть надо! Чо-то там изображать из себя. Я не умею!

В другой бы ситуации его растерянный вид, наверное, меня бы насмешил. Но сейчас уже не до смеха. Потому что мы стремительно теряем контроль над ситуацией. Я это чувствую. Как чувствую и растущее недовольство со стороны родителей. Вот-вот придут его высказывать нам...

Лаванда чуть не плачет в зале, пытаюсь собрать детей и продолжить действовать по сценарию. Дети орут. Кто-то, судя по крикам, уже дерётся. Слышен звон падающих на пол вилок. Скоро до тарелок дойдёт...

Торжественно впихиваю Воронцу костюм. Если на Тимофея налезал, этому, конечно, совсем впрытык будет. Никита крупнее и мощнее в плечах.

-Надевай! И побыстрее, а не то дети разнесут весь зал, и ущерб у нас вычтут из зарплаты!

-Окей, - тяжело вздыхает он.

И начинает раздеваться!

-Эй, - мгновенно отворачиваюсь, ворчу. - Можно было не

при мне.

-Я всего-то до футболки разделся, - смеётся он. - Ты думаешь, что-то во мне изменилось с тех пор, как ты меня видела голым?

Меня бросает в жар.

От стыда. Конечно же, от стыда!

И, не найдя, что ему ответить, я сбегая в зал к Лаванде, толком не объяснив Воронцу, что от него требуется.

Привлекая их внимание, нараспев прокричав в микрофон:

- А кто хочет получить подарочки? И хоть сегодня у нас именинница Машенька, но подарочки могут получить все желающие! Кто хочет, быстрее бегите сюда!

Дети тут же толпой несутся в мою сторону. Кто-то сносит с пути стул. Двое пацанчиков лет девяти стучаются лбами и падают на попки. Но большая часть все-таки достигают меня и становятся полукругом.

Делаю знаки Лаванде, чтобы проверила, на месте ли наши задания для квеста.

По плану он должен был бы быть намного позже, но раз уж все так глупо перевернулось в сценарии, благодаря Воронцу, то надо срочно что-то менять!

- Итак, чтоб подарки получить, нужно постараться

И с пиратом одноглазым будем мы сражаться!

Говорю специально в микрофон, чтобы Воронец там, в подсобке, точно услышал и вышел к нам в зал.

Жду несколько секунд, косясь в сторону двери.

Но пират не появляется.

И, как назло, Лаванда выходит из зала, чтобы проверить, на местах ли подготовленными нами заранее задания квеста, которые разложены в самых неожиданных местах по двум залам и даже во дворике ресторанчика.

- Пират уже в пути, наверное, швартует свой корабль, - поясняя детям, а потом снова подношу к губам микрофон и говорю еще громче. - Чтобы подарки получить, нужно постараться, И с ПИРАТОМ одноглазым будем мы сражаться!

Уже немного паникуя, поглядываю на дверь в подсобку. Воронеж! Ну, где же ты? Сейчас нам будет плохо, если ты не появишься!

Но его нет! Оглох он там, что ли?

- Пират где-то застрял! - "шутят" добрые детки.

- Он утонул!

- Пошел ко дну!

- Его сожрала акула! - кровожадно клацает зубами маленький рыжий толстячок лет восьми.

- Он напился рому! - со знанием дела выдает подросток лет двенадцати.

- Нет! Нет! Я знаю! Знаю, что с ним! - у кричащей это девочки так подозрительно хитро блестят глаза, что я уверена, она сейчас выдаст нечто, что и на уши не наденешь!

Но ее перебивают общим криком, визгами, кто-то кого-то толкает, доказывая, что лучше догадался о местонахождении

нашего пропадающего пирата.

Шум поднимается такой, что у меня буквально ухо закладывает! Растерявшись, не могу сообразить, что делать дальше!

Поверх детских голов встречаюсь взглядами с мамой именинницы, заглянувшей в зал. По выражению ее лица легко читаю, что она недовольна. Вот сейчас подойдет и скажет, что нас наняли для того, чтобы занять детей, и чтобы взрослые смогли нормально отметить праздник. Она, действительно, решительно шагает в мою сторону.

И в это мгновение дверь из подсобки в зал открывается, и оттуда кубарем вываливается нечто, отдаленно напоминающее пирата... и Воронца.

Высокие пиратские ботфорты явно надеты не на ту ногу! Пивной пиратский живот почему-то перевернут на спину! Борода от падения смещается на бок и располагается где-то под левым его ухом. Пиратская треуголка вообще отлетает под стол!

Мамочка!

- Эй, полундра! Все наверх! Что за шутки? Что за смех?

Мы веселья не выносим. Что хотим - берем, не просим.

Воронец говорит это хриловатым басом, и, подманив пальцами стоящих к нему ближе всего двух мальчишек, с их помощью поднимается с полу и неторопливо поправляет свой костюм.

- Ну, что, Мальвина, я тебе скажу, - вдруг обращается ко

мне не по сценарию. - Где-то тут, говорят, спрятан старинный пиратский сундук. И слышал я, что лежат в том сундуке несметные сокровища. Но найти его смогут только пираты. Есть тут пираты?

- Даа-а--а-а! - радостно орут дети.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.